

— Сяо И, ты хороший человек, — вдруг сказал Линь Мудун.

Сяо И с улыбкой спросил:

— И чем же я хорош?

Линь Мудун задумался со всей серьёзностью:

— Ты спас меня, потом привёл меня и бабушку домой, отвёл меня повидать отца с матерью, сплёл мне кузнечика... Ты дал мне дом. Теперь деревня Сяохэ - мой дом.

Линь Мудун больше не боялся Сяо И. По дороге обратно в деревню он то шёл, то переходил на бег. Вечерний закат был таким красивым, а на душе у него было радостно; Сяо И шёл позади, догоняя его удаляющуюся фигуру.

Сегодня он повидал отца с матерью, а отец с матерью увидели Сяо И. Теперь у него снова был дом. Сяо И сказал, что они вместе возвращаются домой, значит, отныне Сяохэ и правда станет его домом.

Нет, не так.

Линь Мудун покачал головой и сказал:

— Сяохэ - не мой дом. Мой дом там, где ты и бабушка.

Где находятся самые дорогие ему люди, там и есть место, куда он принадлежит. Ему вдруг показалось, что он и правда повзрослел и начал понемногу учиться размышлять о таких вещах.

От этих слов Сяо И словно мёдом напоили - даже когда они добрались домой, улыбка так и не сходила с его губ.

Вернувшись, Линь Мудун снова и снова протирал поминальные таблички родителей, а потом аккуратно вытер и табличку свёкра. Ли Юйфэнь заметила, что после этой поездки внук словно стал другим, даже улыбаться начал чаще. Она зашла в главную комнату, чтобы всё как следует расспросить, а Линь Мудун взял её за руку и долго-долго рассказывал.

— Бабушка, сегодня я повидал отца с матерью. Сяо И купил им очень-очень много бумажных денег. Когда они сгорели, пепел полетел в небо всё выше и выше. Сяо И сказал, что это значит - отец с матерью получили их. Теперь они наверняка знают, что у меня всё хорошо, и я больше не боюсь, что они будут тревожиться обо мне и не смогут отпустить. Я сказал им, что Сяо И теперь мой муж, и что у бабушки тоже всё хорошо, чтобы они там, на небесах, ни о чём не беспокоились.

Ли Юйфэнь погладила внука по лицу. Всё ещё по-детски простодушный, так легко поверил словам зятя. Но, подумав, она решила, что в этом тоже нет ничего плохого: раз находится человек, готовый его баловать, пусть остаётся таким.

Больше говорить об этом не стоило, иначе глаза снова покраснеют. Линь Мудун потёр щёки и отправился искать Сяо И. На заднем дворе звякало и гремело. Сяо И нашёл удобный тесак для дров и принялся точить его о камень. Кинжал на поясе ему было жалко пускать в дело, а тесак как раз годился, чтобы разделять кролика. Он наточил лезвие до блеска - стоило подуть на остриё, и будто можно было услышать его звон.

Собрав всё необходимое, он сказал:

— Несколько дней назад я поставил в горах ловушки. Осенью там много корма, кролики и дикие куры выходят искать еду. Если повезёт, поймает одну-две. Если что-нибудь попадётся, сегодня же и зарежем. Ты больше любишь остро жареного кролика или курицу?

Линь Мудун любил любое мясо и сразу обрадовался. Он тут же увязался за Сяо И:

— А я могу пойти с тобой?

Сяо И жестом пригласил его следовать за собой. Раньше они ещё не ходили, держась за руки, но в первый раз всё вышло удивительно естественно: Сяо И протянул ладонь, Линь Мудун вложил в неё свою, и, крепко взявшись за руки, они направились в горы.

Они шли, держась за руки и улыбаясь. Линь Мудун украдкой сжал ладонь крепче и не отпускал.

— Ты раньше был охотником? Ты умеешь ловить кроликов и диких кур, это очень здорово, — спросил он.

— Рогатка и ловушки - дело нехитрое, птиц и кроликов ловить нетрудно. Настоящие охотники уходят глубоко в горы. Они могут добывать диких оленей и кабанов, а некоторые даже ставят силки на тигров. Когда я был маленьким и в семье ещё водились лишние деньги, отец хотел отдать меня учиться ремеслу к старому охотнику. Но мы ещё не успели приготовить плату за обучение, как того охотника насмерть затоптал в горах дикий кабан. После этого отец отказался от этой мысли и решил, что мне лучше спокойно обрабатывать несколько му хорошей родовой земли.

У Линь Мудуна по спине пробежал холодок. Оказывается, дикие кабаны в горах и правда могли убить человека - от одной мысли становилось страшно. Но даже если Сяо И не был охотником, в глазах Линь Мудуна он всё равно оставался самым умелым: знал столько вещей, о которых тот прежде даже не слышал.

У Линь Мудуна скопилось множество вопросов, которые хотелось задать, но по пути им встретилась целая полоса поваленных огромных деревьев. Стволы лежали вкривь и вкось, образуя преграду. Сяо И был высоким, с длинными ногами: опёрся рукой и без труда перемахнул через ствол, а затем обернулся и перенёс на другую сторону Линь Мудуна. После этого тот отвлёкся и временно позабыл обо всех вопросах, которые только что вертелись в голове.

Они продолжили путь в горы, как вдруг из травы сбоку донеслось шуршание.

Линь Мудун тут же крепче вцепился в руку Сяо И. Тот похлопал его по кисти и тихо успокоил:

— Наверное, какой-нибудь мелкий зверёк. На окраине леса хищников не бывает.

Он осторожно подошёл к зарослям и резко раздвинул траву. Серый кролик молнией выскочил наружу. Тут Сяо И и сам разошёлся. Он выхватил рогатку и бросился следом, целясь в убегающего кролика. Меткость у него была неплохая: два или три раза камешек прошёл совсем рядом с головой зверька. Но кролик удирал так, словно пятки ему смазали маслом, и уже почти юркнул в нору, когда Сяо И выстрелом из рогатки угодил ему в заднюю лапу. Бежать дальше тот уже не смог.

Сяо И поднял кролика за уши. Поняв, что притвориться мёртвым не удалось, зверёк отчаянно задёргал задними лапами, пытаясь вырваться, а супруги, глядя на это, оба расплылись в широченных улыбках.

Сяо И пошёл проверить и остальные ловушки, но добычи там не оказалось. Тогда он собрал их, выбрал другое место и поставил заново, чтобы проверить в следующий раз.

Вечером Линь Мудун приготовил целый стол блюд из кролика. В их Ичжоу издавна любили крольчатину. Ещё несколько сотен лет назад жители Ичжоу придумали множество способов её приготовления: острые кроличьи головы с сычуаньским перцем, кролик в остром бульоне, свежеприготовленный кролик, рваное мясо кролика с ароматным луковым маслом, горячий горшок с ломтиками крольчатины... В уездном городе даже имелись два ресторана, специализировавшихся на крольчатине, и главным блюдом там был целый «кроличий пир». На праздники крольчатина появлялась едва ли не на каждом семейном столе. В других областях тоже умели готовить кролика, но именно блюда Ичжоу славились прежде всего пряной остротой и онемением от сычуаньского перца.

Сяо И снял с кролика шкуру и отнёс её к реке выделывать. Вернувшись, он подбросил дров в очаг для Линь Мудуна, а потом уселся за топкой и принялся наблюдать, как тот готовит, время от времени улыбаясь.

Линь Мудун нарубил крольчатину небольшими кусочками. Мясо было очень нежным. Теперь он уже не чувствовал себя скованно и не жалел масла для готовки. Целая миска сушёного перца чили и сычуаньского перца отправилась в котёл; на слабом огне он медленно обжаривал специи, пока от них не пошёл насыщенный аромат, а затем добавил нужное количество имбиря

и чеснока. Кусочки кролика к тому времени уже успели промариноваться и как следует прожариться во фритюре. Линь Мудун высыпал их в острый котёл и продолжил подсушивать на слабом огне, чтобы аромат сушёного чили и сычуаньского перца постепенно пропитал мясо. Тогда каждый кусочек становился хрустящим, но не сухим, пряно-острым и душистым, с характерным покалывающим вкусом.

Даже перец чили прожарился до хруста, пропитавшись острым маслом и солью, с таким блюдом рис уходил особенно легко. Линь Мудун по привычке добавил в масло небольшой кусочек маринованного имбиря и обжарил его вместе со всем остальным. Благодаря этому крольчатина получилась особенно насыщенной и ароматной, а вкус стал богаче обычной остроты.

Потом подогрели кувшин вина. Глоток тёплого вина, кусочек крольчатины - Сяо И казалось, что вкуснее он в жизни ничего не ел. Острые блюда он переносил хорошо: губы покраснели от перца, но желудок не болел, а всё тело согрелось.

Ли Юйфэнь не скупилась на похвалу:

— Дун-гэру нет равных в жареной крольчатине, всё мастерство от матери перенял.

С виду старушка была мягкой и застенчивой, зато пила весьма лихо: несколько глотков - и чашка уже пуста. Сяо И трижды поднимал вино в её честь.

Вдруг он отложил палочки и посмотрел на Линь Мудуна:

— Ты умеешь пить?

Линь Мудун покачал головой, но тут же улыбнулся:

— Я только совсем чуть-чуть.

Сяо И поднес ему свою чашку и позволил сделать маленький глоток. Деревенское крепкое вино било сильно: стоило Линь Мудуну глотнуть, как от груди вниз будто протянулась огненная дорожка. Через некоторое время голова у него закружилась, он закачался и пробормотал:

— Сяо И, я сейчас загорюсь.

Странное дело: чем сильнее кружилась голова, тем больше хотелось пить. Ноги стали лёгкими-лёгкими, словно он вот-вот взлетит. Линь Мудун и сам не знал, откуда взялась такая смелость, но, пока Сяо И отвернулся, допил всё вино, оставшееся в его чашке.

— Хе-хе-хе...

Линь Мудун засмеялся. Ему и правда казалось, что он сейчас взлетит. Поглупев от хмеля и долго без причины посмеиваясь, он вдруг схватил Сяо И за руку и сказал:

— Ты так хорошо ко мне относишься. Я хочу тебя отблагодарить.

Сяо И сразу заинтересовался. Его губы приподнялись в улыбке:

— И как же ты собираешься меня благодарить?

И тут Линь Мудун вытащил из-за спины изображение Гуань Гуна* - краснолицего, грозного, с сурово распахнутыми глазами, воплощение справедливости и героического духа. Он с хлопком положил его перед Сяо И, затем первым делом налил две чашки вина.

Сяо И пока решил не спрашивать, откуда вообще взялось это изображение Гуань Гуна. Но что Линь Мудун собирается с ним делать?

(ПП: Легендарный полководец эпохи Троецарствия, обожествлённый как символ войны, верности и справедливости)

Обратившись лицом к Гуань Гуну, Линь Мудун под недоумённым взглядом Сяо И, пошатываясь, потянул его за собой на колени:

— Этим поклоном...* — затянул он нараспев.

Сяо И тут же зажал фулану рот:

— Нельзя!

Линь Мудун:

— О.

— Не просим родиться в один год, один месяц и один день, но просим...!! М-м-м!

Всё, умываться и спать! Сяо И подхватил Линь Мудуна на руки, унёс в комнату, снял с него обувь и верхнюю одежду, вытер лицо, а потом завернул пьяного фулана в одеяло.

Говорить он больше вообще ничего не хотел.

Он носил фулана у самого сердца, а фулан решил побрататься с ним. Да что уж там побрататься - можно сразу скрепить клятву кровью, а завтра утром встать и начать звать друг друга: «старший брат» да «второй брат». Так и жить дальше. Кто вообще сказал, что братьям нельзя жить вместе?

Сяо И окончательно довели. Он повернулся к стене и громко расхохотался.

На следующий день Линь Мудун проснулся и совершенно ничего не помнил. Увидев тёмные круги под глазами Сяо И, он обеспокоенно спросил:

— Ты вчера плохо спал?

— Нет, — правдиво ответил Сяо И. — Просто прошлой ночью я обрёл побратима.

Линь Мудун тут же оживился:

— Правда? Кто-кто это? Я тоже хочу на него посмотреть.

Сяо И: ...

(ПП: Гуань Гун - божество братства, а не любви. Перед его изображением клянутся в верности побратимы. Если супруги становятся «братьями», это полная нелепица с точки зрения конфуцианской морали: у супругов совсем другие роли и иерархия.)

<http://bllate.org/book/19002/1989321>